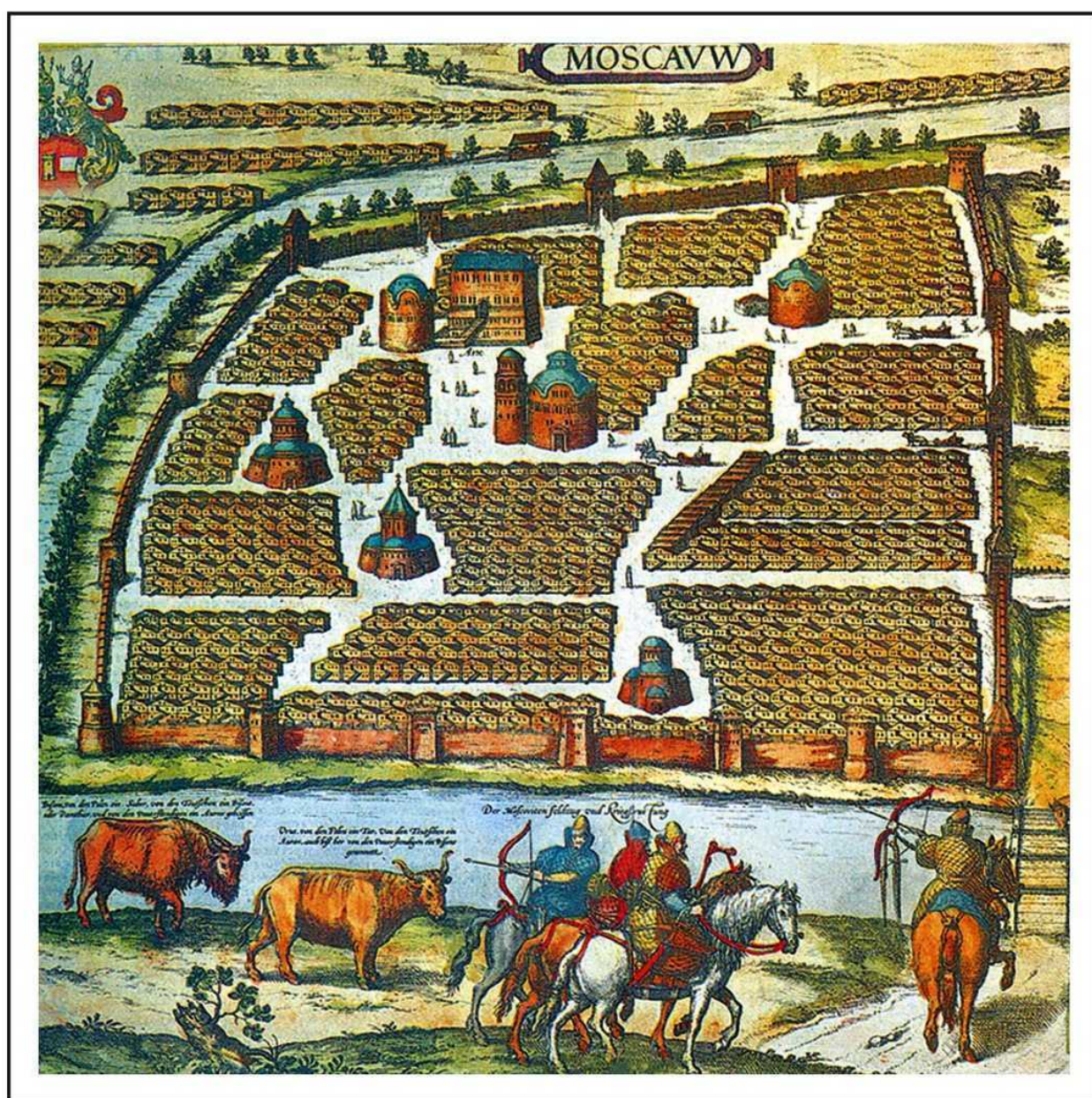

Д.М. ВОЛОДИХИН

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОСКВА

Столица православной цивилизации

Новейшие исследования по истории России

Дмитрий Володихин

Средневековая Москва

«Центрполиграф»

2020

УДК 94(470)"16/17"
ББК 63.3(2)45

Володихин Д. М.

Средневековая Москва / Д. М. Володихин — «Центрполиграф»,
2020 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-09090-4

Москва была великим городом и столицей великой державы в XVI–XVII веках. Россия того времени выигрывала большие войны, широкими шагами шла к берегам Тихого океана, мыслила себя как главный оплот истинного христианства. А Москва видела в себе Третий Рим, Второй Иерусалим, но больше всего – особый удел Пречистой Богородицы на земле. Столица православного царства прославлена была не только победами на поле брани и установлением власти на бескрайних просторах Евразии, она и в сфере культуры стремительно развивалась. Иван Федоров и его ученики навсегда утвердили в Москве книгопечатание. Столичные зодчие создали неповторимый национальный стиль в архитектуре. Именно грандиозным успехам Москвы как интеллектуального центра, то есть как мощного генератора идей, как цитадели просвещения, книгопечатания, высокого искусства, посвящена новая книга Д. М. Володихина – доктора исторических наук, профессора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(470)"16/17"

ББК 63.3(2)45

ISBN 978-5-227-09090-4

© Володихин Д. М., 2020

© Центрполиграф, 2020

Содержание

Иван Федоров и судьбы книгопечатания в Московском царстве	7
День Православной книги. Русская церковь и Российское государство на путях просвещения	7
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Михайлович Володихин

Средневековая Москва. Столица православной цивилизации

© Володихин Д. М., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Иван Федоров и судьбы книгопечатания в Московском царстве

Не пристало мне ни пахотою, ни сеянием семян сокращать время своей жизни, потому что вместо плуга я владею искусством орудий ручного дела, а вместо хлеба должен рассеивать семена духовные по всей вселенной и всем по чину раздавать духовную эту пищу.

Иван Федоров, Москвитин

День Православной книги. Русская церковь и Российское государство на путях просвещения

В 2009 году Русская православная церковь учредила новый праздник: День православной книги. Он отмечается 1 марта по юлианскому, то есть «старому», календарю и 14 марта – по «новому».

Установленная для праздника дата связана с появлением первой российской печатной книги, имеющей точную дату издания, – «Апостола» Ивана Федорова. Книга печаталась при царе Иване IV и двух митрополитах московских, известных своей книжностью, – Макарии и Афанасии. Она вышла из типографии в 1564 году.

Каждый год на День православной книги Церковь устраивает большие торжества. По словам главы Издательского совета Русской православной церкви митрополита Калужского и Боровского Климента, этому празднику придается очень большое значение.

«В разговоре со Святейшим Патриархом Кириллом мы не раз обсуждали, – сообщает митрополит Климент в одном из своих интервью, – как поднять авторитет чтения в нашем обществе, привлечь внимание современных людей к хорошей, содержательной книге, почтить труды тех, кто веками создавал наше подлинное национальное богатство. Ответом стало решение установить празднование Дня православной книги... Причем замечу, что речь идет не только о православной книге в ее узком понимании: о Священном Писании, святоотеческих творениях, богословской и церковно-исторической литературе, но и о литературе художественной, которая учит человека, как жить, помогая ему сохранить традиции и развиваться как личности. Сегодня этот праздник уже не ограничен одним днем: в течение всего марта и апреля проходят многочисленные семинары, конференции, творческие встречи, вечера и другие культурные события. Их главная задача – дать людям, в особенности молодежи, возможность почувствовать значимость книги для каждого человека. Современный человек все больше и больше занят внешними хлопотами, а когда приходит домой, у него дома зачастую нет даже полки с книгами. Есть разные гаджеты, мобильные приспособления, телевизор, компьютер и так далее. Мобильные телефоны отнимают много времени, отвлекают от заботы о своей бессмертной душе и от чтения, которое на это настраивает. Человеку необходимо напоминать, что, забывая о книгах, он внутренне обкрадывает, обессиливает себя».

У всякой цивилизации есть «возраст» детства, «возраст» юности, зрелости, старости и дряхлости. Ни одна из них не бессмертна, хотя некоторые могут восстанавливаться на новой основе, то есть возрождаться, приняв несколько иной вид. И далеко не все из них до конца взрослеют: у некоторых развитие навек застревает в «возрасте» детства или молодости. Другие погибают от природного катаклизма или подавляются иноземными захватчиками. Цивилиза-

ции – как люди. Каждой из них, для того чтобы занять достойное место в пантеоне мирового исторического процесса, следует много трудиться, защищать и развивать себя.

Древнерусская цивилизация покидала «возраст» молодости под звон мечей, создавая собственное государство – «империю Рюриковичей». Вступая в зрелость, она приняла христианство восточного обряда, а вместе с ним богатейшую культуру, выработанную Константинопольской империей и южнославянскими царствами, – письменную, живописную, архитектурную, историческую. Плодами творчества Древнерусской цивилизации в зрелом «возрасте» стали многочисленные летописи, соборы Святой Софии в Киеве, Новгороде, Полоцке, первые школы в крупных городах, свод законов «Русская Правда», «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, а вместе с ними – политическое могущество, единство, военная мощь...

Преклонные годы принесли Древней Руси междоусобицы и политическое раздробление; но громадная христианская община, занимавшая бескрайнее пространство от Среднего Поднепровья до Балтики, продолжала развивать богатую культуру и взошла на высоты, дотоле невиданные. Белокаменные храмы Северной Руси, поучения святителей Русской церкви, эпические сказания, утонченное искусство художественного оформления книги пополнили культурную традицию...

Однако к середине XIII века Древняя Русь утратила возможность защищать себя и погибла под ударами монголо-татар. Весь ее пестрый, лишенный единства организм разбился вдребезги, столкнувшись с монолитом Орды. Часть Руси оказалась в подчинении Орде: платила ей дань, соглашалась с тем, что хан ордынский определял, в каком уделе кто из русских князей должен править. И даже еще более разодралась она на удельные клочки в XIV веке, чем это было до Батыева нашествия... Другая часть оказалась в подчинении у литовских князей и с конца XIV столетия жила под натиском католицизма, хищно нацелившегося на Южную и Западную Русь.

Однако сохранились общие для Руси культура, вера, Церковь, этническая основа, общая династия правителей, а также воспоминания об общем историческом прошлом. Все это в совокупности создало почву, на которой поднялись первые, робкие ростки уже не Древне-, а просто Русской цивилизации – над угольями величественной старины, близ руин прекрасной древности. Они появились в области, скудной на естественные богатства, с суровыми природными условиями и слабой заселенностью.

Русская цивилизация, цивилизация-отрок, росла под лучами мистических озарений преподобного Сергия Радонежского, питаясь мудростью святителя Алексия Московского, воспринимая исихастские энергии фресок Феофана Грека и Андрея Рублева, покоряясь твердой руке Дмитрия Донского. Так миновала ее молодость – мучительная, прожитая в нищете и постоянном утеснении со стороны соседей, но озаренная светом Северной Фиваиды – чудесной вспышки иноческого энтузиазма, преобразившего духовный лик Руси.

Только во второй половине XV века, при великом князе Иване III, Русская цивилизация вступила в возраст зрелости. Оплотом ее стало единое Русское государство – Россия.

Юной России пришлось сдавать очень трудный экзамен – на способность развиваться, творить сложную, высокую культуру. Это была тяжелая, почти невыполнимая задача. Ведь Россия родилась и росла в условиях непрекращающихся войн, притом на очень слабой экономической основе. Все силы государства уходили на оборону рубежей и отвоевание старинных русских областей. Общество милитаризовалось до предела. Всякий русский дворянин, или, как говорили в ту пору, «служилый человек по отечеству», с детства научался тому, чтобы иметь готовность во всякий день вскочить в седло и отправиться в дальний поход по приказу государеву... На протяжении XVI столетия раз шесть сильный беспощадный враг ставил Россию на грань выживания, но вера, сила и отвага наших предков вытягивали страну из отчаянного положения. Москва и подмосковные села неоднократно горели, подожженные вражеской рукой. Тысячи и тысячи людей татарин угонял в полон – на работоторговые рынки. Русские полки

каждый год по несколько месяцев не сходили с оборонительных рубежей. Церковь исповедовала воинов креста перед тем, как они отправлялись с неприятелем «смертную чашу пить», благословляла православное воинство на подвиг ратный, молилась об «одолении на враги».

Казалось, всё в русском обществе подчинено властному дыханию войны...

Где же тут найти силы на что-нибудь другое? Откуда выделить ресурсы для нового творческого подъема? Да есть ли люди, вполне обученные и одаренные, чтобы вывести русскую культуру из состояния светильника, повешенного на столбе посреди военного лагеря?!

Если бы в ту пору Россия превратилась в «новую Македонию» – царство могучее, богатое сильными воинами, но в творческом плане бесплодное и зависимое от соседних народов, ее бы, очевидно, ждала бы та же судьба: распасться, создав империю и растворив собственную ничтожную культуру в высоких культурах завоеванных народов.

Слава богу, этого не произошло.

Россия жила бедно. Однако у нее нашлись и силы, и средства, и люди для создания высочайших образцов литературы, искусства. Именно в ту пору творил иконописец Дионисий, воздвигались величественный Успенский собор в Кремле, чудесный храм Вознесения в Коломенском, затейливый собор Василия Блаженного; именно тогда появились на свет «исторические энциклопедии» XVI столетия – колоссальные летописные своды; именно тогда создана была «Повесть о житии Петра и Февронии Муромских» – интеллектуальный бестселлер русского Средневековья; именно тогда Москва дала в своих «судебниках» общее право и общую справедливость для всей Руси.

Книгопечатание явилось чрезвычайно важным шагом в том же направлении. Страна жаждала духовного просвещения. Запад – включая и славянские народы – обзавелся первоклассным инструментом для просветительской работы. Русская цивилизация не могла остаться в стороне, ей требовался такой же инструмент духовного обогащения. Особенно учитывая, что русский воин постепенно уходил все дальше на восток, а за воином шел священник, от которого требовалась миссионерская работа на землях, по сию пору либо отрицавших веру Христову либо вовсе не знавших ее...

Итак, Россия, развиваясь за пределы абсолютной милитаризации, нуждалась в собственном книгопечатании; но оно всегда было исключительно дорогим, технологически сложным и высокоинтеллектуальным производством. Поэтому оно не стало частным делом ученого московского дьякона Ивана Федорова, знаменитого первопечатника. Потребовалось совокупное усилие Российского государства и Русской церкви, чтобы решить эту сложную задачу. Государство в лице Ивана IV осознало необходимость принять на себя этот труд, проявило волю и нашло материальные средства. Церковь же отыскивала грамотных, энергичных исполнителей и дала полное свое одобрение началу книгопечатания в стране.

Введение книгопечатания в России было великим актом просвещения. С самых первых его шагов, с младенчества, Русская церковь, включая высших ее иерархов, выдающихся книжников XVI столетия, была добрым другом и щедрым покровителем книгопечатания, никогда не проявляя к нему враждебности. Да и странно было бы вредить плоду собственных усилий!

Для наших времен, наверное, это парадокс, но правда такова: в Московском царстве Церковь являлась главным просветителем народа, притом просветителем искусным и деятельным. Львиная доля титанических усилий, направленных к установлению печатного дела в России, сделана русским духовенством, и, следовательно, в том, что на Русской земле укоренилось книгопечатание, в очень значительной степени заслуга Церкви.

Вот почему столь важны Иван Федоров, вышедший из руки Церкви, и все его дело, для русского духовенства – поистине родное. Вот почему День православной книги прочно связан с зарею книгопечатания в нашей стране.

Глава 1

Начало кириллического книгопечатания в Восточной и Южной Европе

Русское книгопечатание начиналось не в Москве и не при Иване Федорове. Оно имеет длительную предысторию.

Хорошо известно, что книгопечатание пришло в Европу через Иоганна Гутенберга в середине XV столетия. Довольно быстро появилась славянская ветвь типографской деятельности, очень скоро давшая отросток кириллического, то есть восточнославянского, книгопечатания. Уже в начале 1490-х годов немец Швайпольт Фиоль открыл в Кракове типографию, работавшую с кириллическими шрифтами. Первыми его изданиями были литургические книги – «Октоих» и «Часослов» (обе 1491). В то время в состав Польско-Литовского государства входили обширные русские земли (вся территория современной Белоруссии, треть или более того территории современной Украины, несколько областей современной России), традиционно, на протяжении многих веков, населенные православными жителями. Они нуждались в кириллической богослужебной литературе, и Швайпольт Фиоль, видя, что, удовлетворяя эту потребность, можно обогатиться, решил с помощью своей печатни насытить православные общины наиболее востребованными книгами. В середине 1490-х годов некий иеромонах Макарий открыл печатное кириллическое производство в столице Черногории – Цетинье. Он проходил обучение у итальянцев, в Венеции – одной из главных цитаделей раннего европейского книгопечатания. Факты выхода кириллических книг множились, и, естественно, в конечном итоге первые типографии появились и на Руси.

Однако словосочетание «на Руси» в те времена (конец XV – начало XVI столетия) еще не значило «в России». Громадная Литовская Русь, то есть ожерелье городов и областей, когда-то являвшихся частью единого Древнерусского государства, а впоследствии оказавшихся под властью Великого княжества Литовского¹, находилась за пределами России, или, как порой называли нашу страну, Московского государства. Так, например, Полоцк – крупный русский торговый город, центр древнего княжения, обладавший к тому же высокой культурой, – с XIV века являлся частью Великого княжества Литовского. Именно этот город сказал веское слово в устроении русского книгопечатания.

Уроженец Полоцка Франциск Скорина стал звездой первой величины на небосклоне восточнославянской культуры и русского просвещения. Он говорил о себе, что рожден «в русском языке», или, иначе, в русском народе. В ту пору этногенез русских и белорусов шел относительно медленными темпами, а этногенез украинцев фактически по-настоящему еще не начался. Политическая культура различалась уже заметно, православная вера была общей, быт имел еще не столь уж много различий, а относительно языка, на котором говорил Скорина и его единоплеменники, ведутся споры. Его называют то «старобелорусским», то «западнорусским», поляки же просто именовали его «русский язык». В XVI веке именно его чаще всего использовали на территории Великого княжества Литовского как государственный, в том числе и в делопроизводстве (позднее его вытеснит польский). Этот язык гораздо ближе к русскому, чем польскому. Более того, он гораздо яснее для современного русского, чем современный белорусский. А жителями России первой половины XVI века он воспринимался фактически как вариация их собственной речи – с незначительными особенностями. Воспринимался он по обе

¹ Позднее оно срослось с Польшей. Сначала лишь в режиме личной унии государей Польши и Великого княжества Литовского, а с 1569 года уже в рамках политически монолитного государства, вошедшего в историю под названием Речь Посполитая.

стороны «литовского рубежа» легко и просто, без проблем. Пройдут века, прежде чем различие станет по-настоящему серьезным, ощутимым...

Именно западнорусский язык Франциск Скорина использовал, когда затеял кириллическое книгопечатание. Однако в практической деятельности он дополнял им церковнославянский, получая необычную, но вполне понятную для современников смесь.

Скорина много обучался в европейских высших учебных заведениях и получил ученую степень доктора медицины Падуанского университета. Затем он открыл типографию в Праге и выпустил там первую кириллическую Псалтырь (1517). Белорусские историки культуры порой говорят, что белорусское книгопечатание начиналось в Праге, в 1517 году... Позднее он начнет печатать собственный перевод Библии (23 библейские книги) с обилием гравюр. Перенеся свою деятельность в Вильно² (столицу Великого княжества Литовского), Франциск Скорина издал первый кириллический «Апостол» (1525) и дорожный справочник. Вильно, необходимо подчеркнуть, для середины и даже для второй половины XVI века оставался оплотом восточнославянской культуры. Словами белорусского историка Ю. А. Лабынцев, «...город был в большей степени центром белорусской культуры, чем какой-либо иной... Вильно XVI столетия для белорусской культуры был такой же столицей, как Киев для всей древнерусской»³.

Значение Франциска Скорины для славянского книгопечатания громадно и неоспоримо. Кем он был в вероисповедном смысле, сказать сложно. В России его воспринимали как католика, католики называли Скорину «еретиком-гуситом», но город его происхождения, Полоцк, с полным на то основанием слыл преимущественно православным, и, весьма вероятно, Скорина сохранил православное вероисповедание, несмотря на «шатания в вере». Истинен может быть любой из трех вариантов... Важно подчеркнуть: книги Скорины по преимуществу использовали православные люди.

В Полоцке ныне проспект и одна из центральных площадей названы его именем.

Своеобразным продолжателем Скорины стал Симон Будный. Его-то вероисповедание как раз никакого секрета не составляет, он являлся активным протестантским проповедником, и русско-литовский магнат князь Николай Радзивилл Черный, великий покровитель протестантизма в Литовской Руси, оказал помощь и ему. Симон Будный устроил на средства патрона кириллическую типографию в Несвиже и там издал протестантский «Катехизис» (1562). Тот же Ю. А. Лабынцев совершенно справедливо замечает о Симоне Будном, что этого «искателя истины», который сначала был кальвинистом, потом «арианином и антитринитарием», ни в коем случае «...нельзя считать хотя бы временным союзником православных книжников»⁴.

Будному вторили и иные типографы протестантского направления⁵.

В то же самое время и несколько позднее в Литовской Руси широко распространилось книгопечатание, духовно подчиненное разным направлениям протестантизма, в том числе радикальным, например кальвинизму. Среди таких радикалов оказался, например, видный печатник Василий Николаевич Тяпинский-Омельянович.

Приходится констатировать, что в середине XVI века книгопечатание на пространствах Литовской Руси уклонилось, как говаривали тогда подданные российских государей, в «мудрование прескверных лютор».

Россия XVI столетия ни протестантского, ни католического книгопечатания не знала, да и знать не могла.

² Ныне Вильнюс.

³ Лабынцаў Ю. А. Пачатак Скарынам. Мн., 1990. С. 102.

⁴ Лабынцаў Ю. А. Пачатак Скарынам. С. 172.

⁵ Часть протестантской по происхождению печатной литературы издавалась на польском языке или же на латыни. В Бересте (Бресте) кальвинистская типография даже выпустила польскоязычную Библию (1563).

Глава 2

Анонимное книгопечатание в России

Начало книгопечатания в России относится к 1550-м годам, ко времени правления царя Ивана IV Грозного. Исток русского типографского производства погружен в густой исторический туман. Его окутывает непроницаемое – при нынешнем состоянии исторических источников – облако тайны. На один известный, твердо установленный факт приходится с десятков теорий, а скорее гипотез, предположений, основательных и беспочвенных.

Во всяком случае, точно известно, что первая российская типография появилась до Ивана Федорова. Невозможно исключить, что он был ее сотрудником, но имя его, как, впрочем, и имя какого-либо другого русского первопечатника того времени, трудно связать с изданиями, выходившими в свет из ворот изначальной типографии. Они анонимны, то есть не имеют выходных данных, а потому из них нельзя почерпнуть сведения о местонахождении ранней печатни, имени ее руководителя и времени основания типографии.

Итак, скудные известия о том, как начиналось книгопечатание в Московском государстве, можно извлечь лишь из трех основных источников.

Это, во-первых, терминология русского печатного дела, хорошо известная от тех времен, когда оно уже устоялось и породило солидный архив делопроизводственных бумаг, то есть документов, связанных с повседневными нуждами производственных процессов и распространения печатной продукции. Значительная часть названной терминологии, за редкими исключениями, уходит корнями в лексику итальянских полиграфистов. Названия профессиональных специальностей и деталей печатного станка имеют несомненное, ярко выраженное итальянское происхождение. Например, печатник – «тередорщик» (от итальянского «teratore»). И даже название самого типографского производства («штаньба») находит аналог в итальянском языке: «stampa». Между тем в Литовской Руси печатня именовалась «друкарня», а ее работник – «друкарь». У этих слов не итальянские, а немецкие корни.

Таким образом, учителями российских печатников, скорее всего, были заезжие итальянские мастера. Тут нет ничего необычного: в Московском государстве итальянцев («фрягов» или «фрязей», как тогда говорили) частенько нанимали на работу. Со времен великого князя Ивана III они служили при дворе московских государей литейщиками, чеканщиками монет, зодчими («муролями», по терминологии того времени), военными инженерами («розмыслами»), были отлично известны по делам торговым и дипломатическим. Северная Италия издревле поддерживала связи с Московской Русью, и эти контакты были взаимовыгодными. Во всяком случае, «фряги», желающие получить высокое жалованье от государей московских, не переводились. Обучение книгопечатанию, с этой точки зрения, – всего лишь один из аспектов многосторонней, многоплановой передачи технологических знаний московским умельцам. Твердо известно, что даже в начале правления царя Михаила Федоровича на Московском печатном дворе работал некий итальянец – «печатный мастер Иван Фрязин».

Или же, как вариант, сами российские первопечатники когда-то проходили профессиональное обучение в одном из городов Северной Италии. Возможно, у венецианцев, которые наладили книгопечатание очень рано и уже обучали так или иначе полиграфистов, работавших с кириллической книгой. С 1510 года, следует подчеркнуть, в Венеции печатаются кириллические книги для балканских славян, прежде всего церковные, приспособленные для нужд православия. И заведуют производством также славяне – сербы, в частности, крупнейший издатель Божидар Вукович.

В самом факте обучения за границей нет ничего необычного: между Русью (как Литовской, так и Московской) и странами Западной Европы на тот момент не существовало ника-

кого «железного занавеса». Да и в русских источниках есть беглое упоминание того, что как минимум Иван Федоров и его товарищ Петр Мстиславец «искус прияста от... фряг».

«Фряжская» терминология печатного дела почти полностью исключает иные версии происхождения печатного дела в России – от датчан, от немцев, от поляков, – высказывавшиеся в разное время. Так, например, по страницам популярной литературы, да и по просторам Интернета гуляет расхожая байка, что учителем русских печатников, в том числе, возможно, и Ивана Федорова, является датский мастер Ганс Миссенгейм. Но аристократ Миссенгейм не был печатником и не ездил в Россию. Уж точно он не мог ничему научить московских мастеров, поскольку сама миссия его в Москву, очевидно, была отклонена на стадии планов: датский король Христиан III направлял Ивану Грозному целую группу... нет, не типографов, а протестантских миссионеров во главе с Миссенгеймом, деятельность которых в русской столице по тем временам представляется делом в принципе невозможным. Иван IV искал способы вытолкнуть протестантов из соседствующей Литвы и постороже осудить русских протестантствующих еретиков, что уж тут своих-то протестантов заводить?!

Вторым важным источником по истории раннего книгопечатания в России является так называемый *Тотемский летописец*, или, иначе, «Русский летописец» из Тотмы. Краткое, но весьма ценное известие из него опубликовал академик М. Н. Тихомиров: «1553. Начатся печатание книг в Москве, при митрополите московском Макарии»⁶.

Наконец, *третий и самый важный источник* по истории судеб русских первопечатников и их дела – «Сказание известно о воображении книг печатного дела и о его пресечении». В нем сконцентрированы сведения, изложенные в послесловии к печатному «Апостолу» Ивана Федорова (1564 года), с некоторыми интересными добавлениями. Послесловие излагает, пусть и весьма кратко, историю рождения первой российской типографии, а «Сказание», полностью приводя это повествование, дополняет его ссылками на устные рассказы неких знатоков, возможно очевидцев. Таким образом, два памятника фактически сливаются в единый источник.

Итак, источник этот сообщает, что первый русский царь Иван IV проявил в этом благом начинании инициативу. Сам Господь Бог, по мнению средневековых русских книжников, вложил в царский ум мысль «произвести... от письменных книг печатные книги» с целью духовного просвещения. С опытом кириллического книгопечатания в Москве были хорошо знакомы, поэтому речь шла о том, чтобы воспроизвести этот опыт в Москве: «Благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси и повеле святая книги на торжищах куповати и в святых церквах полагати псалтыри, и евангелии, и апостолы, и прочая святые книги. В них же мали обретошася потребни, прочии же вси растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме, овоже и неисправлением пишущих. И сие доиде и царю в слух, он же начат помышляти, како бы изложити печатные книги, якоже в греках, и в Венеции, и во Фригии, и в прочих языцех, дабы впредь святые книги изложилися праведно...» Или в ином месте: «Тако бы во всей России царствующем граде Москве учинити, яко же в грецехи в Виниции и во Фригии и в прочих языцех».

Царь получил поддержку и благословение митрополита Макария, занимавшего тогда московскую кафедру, то есть возглавлявшего Русскую церковь и славившегося одним из величайших книжников своей эпохи. По словам историка М. Н. Тихомирова, «...летописец не случайно связывает начало книгопечатания в Москве с Макарием. В деятельности этого митрополита особенно заметны стремление к централизации и унификации церковной деятельности, решительная борьба с местными церковными традициями, выходящими за пределы московской церковной практики. Его инициативе принадлежат соборы, канонизировавшие русских

⁶ Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 17.

святых, ему принадлежит создание великих Четых-Миней, включивших в свой состав основные церковные сочинения, жития, поучения, слова, признанные Русской церковью»⁷.

С этого момента Церковь и государство общими усилиями поднимали в России дело книгопечатания. И почти на каждую книгу (за редкими исключениями), вышедшую в Москве с середины XVI века по конец XVII, глава Церкви давал благословение. Притом благословение это получали только те печатные издания, которые прошли неформальный (порой очень придирчивый) церковный контроль, были вычитаны и выправлены учеными представителями духовенства. А править иногда приходилось многое...

Прежде всего отыскивали мастеров: Ивана Федорова сына – дьякона церкви Николы Гостунского, стоявшей в Московском Кремле, и его «клеветра» (помощника) Петра Тимофеева сына Мстиславца, которые, как уже говорилось выше, переняли ремесло от итальянцев. Стоит уточнить: Федоров и Тимофеев – вовсе не фамилии, это всего лишь патронимы, то есть почтительное упоминание имени отца. В сущности, Иван Федоров был Иваном Федоровичем, а Петр Тимофеев Мстиславец – Петром Тимофеевичем, приехавшим из города Мстиславля, расположенного на землях Литовской Руси. Что же касается происхождения его старшего товарища, то оно раскрывается в послесловии к Псалтыри, отпечатанной в Заблудове (на территории Литовской Руси) гораздо позднее, уже в 1570-м. Здесь первопечатник Ивана Грозного называет себя «Иван Федорович Москвитин». Иначе говоря, он родился в Московском государстве – России.

Затем началось строительство особой палаты для книгопечатного дела и обеспечение ее всем необходимым: «И тако повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением преосвященнаго Макария митрополита начаша изыскивати мастерства печатных книг в лето 61-е осмая тысящи. В 30-е лето государства его благоверный же царь повеле устроить дом от своея царская казны, иде же печатному делу строитися. И нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем Николы чудотворца Гостунского диакону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на составление печатному делу и к их упокоению дондеже и на совершение дело их изыде».

Дата, приведенная, как было в обычае до Петра I, от Сотворения мира, при переводе в современное летосчисление (от Рождества Христова) дает противоречивую картину. 7061 год от Сотворения мира выпадает на последние четыре месяца 1552-го или же на первые восемь месяцев 1553 года. А 30-й год правления Ивана IV – это 1563-й. Похоже на то, что составители источника слили в одно событие два разных факта, и на этом ниже придется остановиться особо.

Далее читаем: «И первое начата печатати сия святая книги деяния апостольска и послания соборная и святого апостола Павла послания в лето 7071 априля в 19 на память преподобнаго отца Иоана Палеврета, сиречь ветхия лавры, совершени же быша в лето 7072 марта в 1 день, при архиепископе Афанасие митрополите всея Росия в первое лето святительства его в славу всемогущия и живоначальна троица отца и сына и святого духа. Аминь». Здесь две даты прочитываются без проблем: 19 апреля 7071 года от Сотворения мира выпадает на 1563 год, а 1 марта 7072 года – на 1564-й. До того времени, когда вышла первая книга Московского печатного двора, митрополит Макарий, один из зачинателей книгопечатания, не дожил. На московской кафедре его сменил митрополит Афанасий, бывший царский духовник.

А теперь стоит вернуться к 1553 году – эта дата вовсе не представляет собой какого-то «фальстарта», ошибки или заблуждения. Составитель «Сказания» проговаривается: прежде создания царско-митрополичьей «штаны» некие печатники (автор в недоумении: то ли те же Иван Федоров и Петр Тимофеев Мстиславец, то ли еще кто-то, ему неизвестно) «малыми...

⁷ Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России. С. 23.

и неискусными начертаниями печатаваху книги», а потом два царевых избранника получили науку «от фряг» и сделались в своем деле совершенны.

И действительно, как уже говорилось выше, до Московского печатного двора где-то в России существовала иная типография.

О месторасположении первого здания Московского печатного двора сообщает немец-опричник Генрих Штаден, служивший тогда Ивану IV. По его словам, Печатный двор стоял неподалеку от Никольских ворот Кремля: «Затем идут другие, Никольские ворота из Кремля в город. Городские и кремлевские стены выстроены все из красного обожженного кирпича и по всему кругу снабжены бойницами. Ворота эти двойные. Во рву под стенами находились львы: их прислала великому князю английская королева. У этих же ворот стоял слон, прибывший из Аравии. Дальше общий судный двор, или Земский двор, и цейхгауз; за ним друкарня, или Печатный двор».

А вот где располагалась печатня, предшествовавшая этому знаменитому предприятию, определить невозможно.

Подавляющее большинство специалистов являются сторонниками того, что первая российская печатня находилась в Москве. Некоторые исследователи связывают ее устройство с политической и просветительской деятельностью большого вельможи Алексея Адашева и особенно его соратника, священника Сильвестра (имевшего на протяжении многих лет сильное влияние на царя Ивана IV). Называют в связи с появлением печатного дела в России также сына Сильвестра, книжника Анфима. Иные историки «размещают» древнейшую печатню на митрополичьем дворе или при кремлевском храме Николы Гостунского. Но все это теории, их ни доказать с подобающей твердостью, ни отвергнуть вчистую невозможно.

Иные историки ранней печати уверены: типографию завели прежде всего в Казани. В 1552 году, как раз накануне появления первой печатни, государь Иван Васильевич во главе православного воинства взял Казань, присоединил землю Казанскую к России и освободил десятки тысяч русских православных пленников, томившихся там в рабстве. Конечно, христианское просвещение новообретенной земли, где доселе господствовал ислам, требовало колоссального количества богослужебных, агиографических книг, текстов Священного Писания, христианской полемической литературы. Но прежде всего – именно книг литургических. И вроде бы логично открыть в Казани типографию, которая послужит этой благородной цели. Вести книги из Москвы – долго, дорого, да и в самой Москве они нужны. Но упоминаний об открытии в Казани типографии в письменных источниках нет.

Твердо известно вот что: позднее, при митрополите Казанском Гермогене (на митрополичьей кафедре с 1589 по 1606 год), в Казани типография работала. Гермоген активно пользовался услугами печатников. Например, вышла в свет как минимум двумя изданиями созданная им служба Казанской иконы Божией Матери. Любопытно, что шрифт, которым она отпечатана, имеет явное сходство со шрифтом одного из дофедоровских изданий без выходных данных – «Триоди цветной»⁸.

Неясно, то ли казанская печатня возникла после того, как Москва обзавелась большим и благоустроенным Печатным двором и смогла «поделиться» оборудованием, то ли, напротив, первой родилась типография на территории Казани. Как уже говорилось выше, последнее выглядит не столь уж невозможным делом: «крещаемая» область требовала сотни и тысячи церковных книг, прежде всего богослужебных; отчего же не решить эту проблему, основав типографию? Россия знает несколько изданий без выходных данных (так называемых анонимных). Речь о них пойдет ниже. Коротко говоря, все они относятся к 1550-м или 1560-м годам.

⁸ Поздеева И. В., Турилов А. А. «Тетрати, печатаны в Казане» (К истории и предыстории казанской типографии XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. Вып. 4. С. 37–48; Поздеева И. В., Турилов А. А. «Тетрати, печатаны в Казане» (К истории и предыстории казанской типографии XVI в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. Вып. 5. С. 13–28.

Казанские книжки печатались тем же шрифтом, что и некоторые из анонимных. Кроме того, по документам 1560-х годов твердо установлено, что анонимные издания – Евангелия и Псалтыри – использовались русским духовенством на Казанской земле.

Так где же располагалась анонимная типография – в Москве или Казани? И кто ее основал? Нет четкого ответа на эти вопросы. Версия, провозглашающая, что русские первопечатники Ивана Грозного и митрополита Макария открыли свое дело в Казани, всего лишь гипотеза. И ее невозможно ни до конца подтвердить, ни до конца опровергнуть: не хватает сведений. К настоящему моменту она не устраивает почти всех историков ранней печати в России, но все еще не отвергнута окончательно.

Другие, менее популярные предположения относительно того, где располагалась первая российская типография, таковы: в Троице-Сергиевом монастыре; где-то во владениях митрополита Московского (в Москве или под Москвой). За ними стоит совсем уж малое число специалистов.

Теперь стоит поговорить об упомянутых выше без вы ходных, или, иначе, анонимных изданиях середины XVI столетия.

От анонимной печатни (московской ли, казанской ли, бог весть) до наших дней дошли экземпляры семи изданий. Вот их список:

1. «Триодъ постная» (два издания);
2. «Триодъ цветная»;
3. Узкошрифтное Евангелие;
4. Среднешрифтное Евангелие;
5. Широкошрифтное Евангелие;
6. Псалтырь среднешрифтная;
7. Псалтырь учебная широкошрифтная.

То, что безвыходные издания создавались в печатне, существование которой предшествовало Московскому печатному двору времен Ивана Федорова, видно по вкладным записям, сделанным на их страницах владельцами от руки в середине XVI столетия. В целом ряде случаев они имеют хорошо читаемую дату, и эта дата относится к периоду конца 1550-х – начала 1560-х годов, то есть раньше 1563 года.

Идут споры: точно ли первыми были изданы «Триоди»? Некоторые специалисты полагают, что им предшествовала печать узкошрифтного Евангелия. Но совершенно ясно, что именно эти три издания (не важно, в какой последовательности увидевшие свет) являлись первым опытом российских печатников, поскольку качество их исполнения – наиболее грубое и примитивное. Это был, вероятно, тот самый «первый блин», который «комом». Как видно, работая над этими книгами, мастера еще далеко не освоили всех приемов ремесла.

Четыре более поздние книги (два Евангелия и две Псалтыри) уже демонстрируют отличное качество. В укор умельцам, их создававшим, можно поставить лишь отсутствие выключки строк, что делало край текста неровным; с другой стороны, нельзя исключить и того, что типографы не гнались за выключкой строк, поскольку сознательно имитировали привычный им рукописный текст. В остальном они были столь же хороши в своем деле, как и работники Печатного двора более поздних десятилетий. Более того, по анонимным изданиям видна готовность русских мастеров книгопечатного дела экспериментировать, находить новые, неожиданные технические решения, которые до них никем нигде не применялись.

По документам 1556 года известны имена двух работников анонимной типографии. Оба они – новгородцы. Их имена: Маруша Нефедьев (его называют «мастером печатных книг», но неизвестно, он ли возглавлял печатню) и Васюк Никифоров (о нем говорится, что он «умеет резати резъ всякую»).

Участвовал ли Иван Федоров в работе этой первоначальной типографии? Специалисты говорят: весьма возможно. Ведь в свое время он использует приемы книгопечатания, разра-

ботанные в анонимной печатне. По словам историка ранней печати Е. Л. Немировского, возможно, что сам Федоров и был «...изобретателем этих приемов или части из них. Он применяет метод набора с „перекрещиванием строк“, который до него использовался только в первой московской типографии. Лишь работая в ней, Иван Федоров мог освоить метод орнаментального слепого тиснения...»⁹. По свидетельству современника, Симона Будного, Иван Федоров занимался подготовкой к печати Евангелия. Но наука по сию пору не знает издания какого-либо Евангелия, вышедшего из печати в XVI веке за подписью Ивана Федорова. Следовательно, он готовил издание одного из анонимных Евангелий, вышедших между 1553 и 1564 годами, а может быть, и всех трех.

Итак, еще до того, как открылся Печатный двор, возглавленный Иваном Федоровым, Россия уже знала книгопечатание.

Почему же именно первопечатник Иван Федоров столь важен для истории просвещения в России? Почему именно его имя стало великим живым символом русского стремления к знаниям, к интеллектуальному и духовному совершенствованию через книгу? Здесь нет никакой исторической несправедливости. Иван Федоров – поистине великая ступень в истории отечественного книгопечатания, а вместе с тем и отечественного просвещения. Именно при нем производство книг в России обрело черты регулярного, хорошо организованного процесса. Именно при нем печатные издания начинают содержать четко сформулированные выходные данные.

⁹ Немировский Е. Л. Иван Федоров. М., 1985. С. 93.

Глава 3

Иван Федоров и его соратники

До того как Иван Федоров издал первую датированную книгу, он служил дьяконом-бельцом в храме Николы Гостунского. Эта церковь располагалась в Кремле, на Ивановской площади, неподалеку от Фроловской (ныне Спасской) башни. История ее уходит корнями в XV столетие. Изначально она была деревянной. В камне здание храма уже на заре XVI века повелел отстроить великий князь Московский Василий III. Здесь бережно хранили большую святыню: чудотворную икону святителя Николая Мирликийского. Храм не сохранился до наших дней: его разобрали в 1817 году из-за «обветшалости».

Священнослужители Николо-Гостунской церкви пребывали, что называется, «на глазах» у митрополита Московского и государя. Либо Ивана Федорова призвали к служению в этом месте, зная о его «книжности» и предполагая ее использовать (а митрополит Макарий, занимавший кафедру в 1542–1563 годах, прославился своими масштабными работами в просветительской сфере), либо он проявил себя так, что его ученость стала известна высокому духовному начальству.

В книгах и статьях по истории русского книгопечатания имя Ивана Федорова время от времени связывают то с полемикой, развернувшейся в Церкви в связи с борьбой против еретичества, особенно энергичной на протяжении середины XVI века, то с книжными проектами Сильвестра и Анфима, то с просветительскими трудами митрополита Макария, например, с созданием колоссальных Четых-Миней. Проблема тут общая. Для того чтобы наверняка сказать: да, Иван Федоров в чем-либо из перечисленного участвовал, прилагал свои знания, проявлял способности к интеллектуальной работе, – не хватает свидетельств в источниках. А гадать на кофейной гуще – скверное занятие и для историка, и для христианина.

Остается лишь, пожав плечами, сказать: «Может быть».

Переход Ивана Федорова из духовенства в печатники объясняется, скорее всего, тем, что он овдовел. В Московском царстве не раз и не два «вдового попа» или «вдового дьякона», известного обширными познаниями, переводили из храма, где он более не мог участвовать в богослужениях, на Печатный двор.

В 1564 году Федоров выпустил первую российскую печатную книгу, имевшую точное указание места и времени издания, – «Апостол». Это поистине историческое событие.

Работы начались 19 апреля 1563 года, а завершились 1 марта 1564-го, это известно из послесловия к книге. Соответствующий фрагмент, думается, стоит воспроизвести здесь полностью: «Начаша печатати сия святыя книги „Деяния апостольска“ и послания соборная и святого апостола Павла послания в лето 7071 (1563) априля в 19, на память преподобного отца Иоана Палеврета, сиречь Ветхия лавры. Совершени же быша в лето 7062 марта в 1 день, при архиепископе Афанасие митрополите всея Россия, в первое лето святительства его во славу всемогущия и живоначальныя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

«Апостол» – название условное, бытовое. Правильное название дано в процитированном послесловии, и из него ясно, что речь идет о части Священного Писания, идущей в нем после четырех Евангелий Нового Завета.

Но здесь необходим комментарий.

Книга должна была выполнять две функции. Первая вполне ясна современному читателю: знакомить жителей Московского царства с текстом «Деяний святых апостолов» и апостольских посланий. Иными словами, это была задача, лежащая в сфере духовного просвещения. Но имелась и другая, органичная для русского Средневековья. «Апостол» был предназначен для использования в богослужебной практике. Причем материал в нем был организован так, чтобы доставить полную ясность даже малограмотному священнику.

Итак, в книгу вошли:

- список чудес святых апостолов, рассказы о которых приводятся в «Деяниях»;
- оглавление «Деяний»;
- список семи соборных посланий святых апостолов и четырнадцати посланий святого апостола Павла;
- пространное описание содержания всей книги «Деяния святых апостолов»;
- список двенадцати старших апостолов с упоминанием изменений, сделанных после предательства Иуды, а также причисления к апостолам святого Павла;
- список семи переводяконов;
- сама книга «Деяния святых апостолов» с разметкой для использования в богослужениях по дням, начиная со Светлой седмицы;
- апостольские послания, перед каждым из которых – краткий пересказ содержания, внутри каждого из них – указания для использования в богослужениях;
- молитвословия Светлой седмицы;
- подробная, в ряде случаев табличная роспись фрагментов «Деяний святых апостолов» по дням их использования в богослужбной практике; «Соборник 12 месяцев: сказание коемуждо апостолу и избранным святым и праздником на литургию»;
- послесловие, повествующее о создании печатни по воле царя и по благословению митрополита, а также о создании самой книги «Апостол». Именно здесь приводятся даты начала и завершения работы над ней.

Совершенно ясно, что «Апостол» не только должен был утвердить норму, то есть унифицированный текст, избавляющий духовенство и мирян от разногласий рукописных копий, каждая из которых по-своему вносила вклад в накопление грамматических и смысловых ошибок в текстах Священного Писания; нет, тут видна еще одна, не менее важная цель. «Апостол» должен был также способствовать унификации богослужения, страдающего от уродливых наростов региональных обычаев и традиций. Эпоха святого митрополита Макария, великого книжника и просветителя, действительно отмечена стремлением к литургической унификации. Как Московское царство постепенно избавлялось от многообразных следов удельной эпохи, то есть политической раздробленности, так и Русская церковь проводила политику централизации иного рода: духовная иерархия во главе с Макарием стремилась разделить местные «старины» на полезные и вредные. Полезные распространялись во всей Церкви, «от Москвы до самых до окраин». К их числу относятся, например, общероссийская канонизация многих местночтимых святых. Вредные истреблялись: им не давали пространства для жизни в дальних углах страны, где они спокойно существовали прежде. И твердый курс на унификацию богослужений, пантеона святых, литургических и молитвенных текстов, применение церковного права – все это всерьез и по-настоящему началось при святителе Макарии. Совокупность всех перечисленных действий составляла суть политики Церкви, рассчитанной на очень длительный срок¹⁰.

Авторы коллективного исследования по истории Московского печатного двора выразили свое мнение на сей счет даже жестче: «Типы богослужебных книг, количество и названия книг так называемого церковного круга, которые не просто были необходимы для осуществления в Церкви богослужения, но и обеспечивали его полноту и правильность, сложились окончательно фактически только в результате редакторской и издательской деятельности Московского печатного двора»¹¹. Преувеличение? Возможно. Но если и так, то лишь отчасти. В целом

¹⁰ По большому счету, эта политика проводилась более ста лет, до конца XVII века.

¹¹ Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыхин А. В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг. От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М., 2001. С. 17.

же тенденция была именно такова: премудрые книжники совместно с искусными печатниками «причесывают» русскую литературу церковного круга.

В этом смысле Иван Федоров последовательно выполнял волю митрополита Макария и был ему умным, верным, просвещенным слугой.

С полиграфической точки зрения «Апостол» был выполнен великолепно: крупный шрифт, выверенное сочетание киноварных и черных букв, отличная аккуратность работы, превосходная миниатюра (фронтиспис с графическим изображением апостола Луки за работой над «Деяниями святых апостолов», в некоторых деталях близким немецкой книжной гравюре середины XVI века), а также без малого пять десятков заставок старопечатного стиля. Этот стиль, состоящий из изысканного сочетания растительных элементов (резных листьев, шишек, цветков, среди которых иногда попадает изящный кувшинчик), был плодом творческой переработки западноевропейского материала (миниатюр, гравюр, литер в алфавитах), произведенной русскими книжными художниками на протяжении нескольких поколений. «Апостол» Ивана Федорова должен был считаться у русских современников роскошно иллюстрированной книгой.

Работа Ивана Федорова в Москве в роли мастера «книгопечатного дела» отнюдь не завершилась изданием знаменитого «Апостола». Летом-осенью 1565 года он дважды издает небольшую, но крайне нужную в церковном обиходе книжечку «Часовник». Поскольку два издания сильно различаются, некоторые специалисты говорят о том, что скорее вышло две разные книги одного наименования.

В послесловии к «Часовнику» Иван Федоров с большой эмоциональной силой выражает свое отношение к великому делу духовного просвещения: «Всемогушаго невидимаго Бога силою, действием же и хотением, милость словом же его в Дусе излися во все роды человека, да просветит тех разум силою божественою по богатству славы своея и утвердит в любви вкоренени и основани в разуме и во всяком чювствии со отложением злых деяний и восприятием духовных плодов во славу и похвалу своего Божества».

Не случайно именно «Часовник» оказался отмечен словом о просвещении. Эта небольшая и относительно недорогая книжица нередко использовалась, помимо богослужебных нужд, еще и как учебное пособие для детей. Соответственно, «Часовники» очень быстро приходили в негодность: заляпывались воском, грязнились, распадались на отдельные листки. Но пока в России не появились печатные «Азбуки» (а это уже XVII столетие), именно эти невзрачные книжки давали сотням, если не тысячам детей возможность обрести грамотность.

Около 1566 года московские типографские мастера, видимо, по поручению правительства переселились на территорию Речи Посполитой, чтобы нести духовное просвещение многочисленным православным общинам. Отъезд их из Москвы автор этих строк вслед за историком Е. Л. Немировским датирует периодом между последними двумя месяцами 1565 года и летом 1566-го. Именно тогда между Иваном IV и Сигизмундом Августом¹² велись переговоры, а боевые действия, шедшие между двумя державами с 1561 года, надолго прервались. Но впоследствии, притом довольно быстро, война все же возобновится. А в конце 1565 года, как минимум до последних чисел октября, Иван Федоров еще оставался в Москве и занимался печатью второго «Часовника».

Не желая прослыть «агентом Москвы», Иван Федоров впоследствии утверждал, что в Москве подвергся незаслуженным гонениям, даже обвинениям в еретичестве. Эти его заявления хорошо известны по послесловию к «Апостолу», изданному Федоровым во Львове (1574). Вот точная цитата: «...Сия же убо не туне начахповедати вам, но презелнаго ради озлобления, часто случающагося нам – не от самого государя, но от многих начальник и с[вя]щенноначальник и учитель, которые на нас, зависти ради, многия ереси умышляли, хотячи благое во зло

¹² Государь Польши и Великого княжества Литовского до своей кончины в 1572 году.

превратити и Божие дело вконец погубити, якоже обычай есть злонравных и ненаучонных и неискусных в разуме человек. Ниже грамотическия хитрости навикше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло принесоша, такова бо зависть и ненависть, сама себе наветующи неразумием, како ходит и о чем утверждается. Сия убо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна и во ины страны незнаемы пресели. Егда же оттуду семо преидохом и по благодати Богоначального Иисуса Христа Господа нашего, хотящаго судити вселенней во правду, восприяша нас любезно благочестивый государь Жикгимонт Август, кроль польский и великий князь литовский...»

Но это могло быть и даже, скорее всего, было частью своего рода «легенды»: вынуждены бежать, натерпелись от злых непросвещенных начальников, жертвы московских варварских порядков и т. п.

Проезд через «литовский рубеж» столь крупной фигуры, да еще с подводами, груженными типографским оборудованием (известно, что часть оборудования, использовавшегося в Москве, видимо матрицы или пунсоны, Иван Федоров применял и в Литве), а также тяжелыми книгами¹³, вряд ли мог пройти незаметно, «по-партизански». Да и типография, им оставленная в российской столице, не была разорена или сожжена, а продолжала функционировать. Твердо известно, что впоследствии там использовались шрифты времен Ивана Федорова. Вероятнее, конечно, другое: первопечатники двигались не вопреки запрету московских властей, а по их прямому распоряжению. Отсюда почтительное – даже в «легенде» – отношение к царю Ивану Васильевичу. В 1573 году, когда началась подготовка львовского «Апостола» к печати, Речь Посполитая переживала бескорольеве: Сигизмунд Август уже лежал в гробу, а Генрих Валуа еще не занял престол. В 1574 году, когда «Апостол» выходил из печати, Валуа уже пребывал на престоле, но выглядел там как залетная птица: побудет недолго и вспорхнет, чтобы вернуться во Францию. Иным же претендентом на трон являлся в ту пору сам русский царь Иван IV, поэтому Иван Федоров не мог злословить о государе, подрывая его репутацию в условиях, когда избрание еще возможно.

Другое дело некие обезличенные «начальники»: по их поводу можно браниться сколько угодно, ибо непросвещенное начальство было, есть и будет везде и всегда, как дождь или зной. Ругать его – все равно что ругать непогоду: все понимают, никто не обижен.

Вероятнее всего, никаких гонений Иван Федоров и Петр Мстиславец в Москве не терпели. Более того, следует повторить и подчеркнуть: все дело их великое явилось плодом сознательных усилий Русского государства и Русской церкви. Иными словами, в столице России оба книгопечатника являлись важными особами.

Существует гипотеза (правда, не вполне доказанная), согласно которой Иван Федоров получил образование в Краковском университете. Некий «Иван Федоров Москвитин» получил там ученую степень бакалавра в 1532 году¹⁴. Тот ли учился в Кракове Иван Федоров, бог весть, просто в университетских документах упоминается учащийся с именем «Иван Федоров из Петковиц», или, иначе, «Иван Федоров Москвитин». Если все же он, значит, культура западнорусского (белорусского) православия была ему знакома. Тогда Федоров ехал работать в страну, издавна ему не чуждую. Но даже если краковский бакалавр Федоров – другое лицо, все равно у искусного московского печатника на территории Литовской Руси должно было найтись немало покровителей. Православные магнаты в ту пору вели тяжкую борьбу и с католической пропагандой, и с усилиями протестантов разных мастей укорениться в Великом кня-

¹³ Известно, что в Заблудов Иван Федоров привез свой «Апостол» в переплете, «доски в коже с тиснением», – книгу объемную, тяжелую, и, можно полагать, это был не единственный экземпляр.

¹⁴ Большое сомнение вызывает эта версия, поскольку во львовском «Апостоле» 1574 года сам Иван Федоров сообщает, что переселился после московской своей деятельности в «страны незнаемы». Но если он жил и учился когда-то в Польше, отчего же земли Речи Посполитой сделались для него «незнаемыми»? Есть тут поле для серьезных колебаний в истинности приведенной версии.

жестве Литовском. Православный печатник в этой борьбе был очень и очень кстати. Более того, нельзя исключить и особой договоренности между митрополитом Московским Афанасием и кем-то из православных аристократов Великого княжества Литовского о том, чтобы западный доброхот принял под свое крыло московского мастера. Переписка на религиозные темы велась, московско-литовский рубеж вовсе не был в ту пору непроницаемым барьером, более того, известно, что главам Русской церкви от полудержавных православных магнатов Литовской Руси время от времени приходили драгоценные подарки, подносимые из почтения к их сану: на сей счет сохранились документы.

При этом русско-литовская знать, потенциальные покровители Ивана Федорова, могли вовсе не иметь добрых чувств к царю Ивану IV. Они участвовали в боевых действиях и дипломатических интригах, направленных против него. Но отношение к правителю – одно, а отношение к вере – другое. Не планируя каких-либо совместных, тем более союзнических акций в сфере политики, они могли сознательно и со спокойной душой принимать помощь в области религиозной. Жестоко конфликтуя, быть может, с «государем московитов» и даже ведя с ним войну, они не отказывались от мысли получить поддержку от Русской церкви, даже если она примет вид пожалования из царской руки. Тут нет особенного противоречия, если осознавать всю напряженность религиозной борьбы, которая велась тогда в Литовской Руси между тремя конфессиями. Если бы не давление со стороны католиков и протестантов, православные магнаты, вероятнее всего, не задумались бы о такого рода вспомоществовании.

Помощник Ивана Федорова по деятельности на Московском печатном дворе Петр Тимофеев носил прозвище Мстиславец и, как уже говорилось, скорее всего, происходил из белорусского города Мстиславля; он просто возвращался на родину.

Московские первопечатники начали работу в Заблудове (под Гродно, неподалеку от Белостока) у литовско-русского православного магната Григория Александровича Ходкевича. Там они выпустили «Евангелие учительное». Ходкевич в ту пору являлся великим гетманом литовским, а также занимал ряд других высоких должностей, делавших его одной из самых влиятельных фигур во всей Литовской Руси. Он слыл противником сближения Великого княжества Литовского, в очень значительной части православной страны, с католической Польшей. Григорий Александрович основал заблудовский храм во имя Успения Пречистой Богородицы и Святителя Николая. В одном из православных полемических сочинений XVII века прямо написано: «Григорий Александрович Ходкевич просил наияснейшего благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича, чтобы тот послал ему... друкарню (печатню. – Д. В.) и друкаря, и по его просьбе вышепоименованный царь московский... прислал к нему целую друкарню и типографа, именем Иоанна Федоровича». Источник, конечно, поздний. Но нет причин из-за одного этого отказывать ему в достоверности. Видимо, Иван Федоров ехал из Москвы не в пустоту рискованных исканий, а по договоренности и по приглашению.

«Евангелие учительное» Иван Федоров и Петр Мстиславец начали печатать 8 июля 1568 года, а закончили уже в 1569-м, 17 марта. Содержание книги кратко раскрывается в заголовке, который можно увидеть перед началом текста: «Поучения избранна от святого Евангелия и от многих божественных писаний, глаголемая от архиерея из уст во всякую неделю, на поучение христоименитым людям или прочитаема, тако же и на Господьские праздники».

В «Евангелии учительном» собраны 77 текстов – от притчи о мытаре и фарисее до поучения на день Усекновения честной главы Иоанна Предтечи. Общее предназначение книги объявляется несколько раз в том же предисловии: «К лучшему поучению и исправлению душевному и телесному».

Конечно же, в условиях жесткой интеллектуальной конкуренции как с протестантскими проповедниками, так и с иерархией католической церкви книга поучений нужна была как воздух православному духовенству. Острота конфессионального раздора, охватившего Литовскую Русь, нашла отражение на страницах предисловия во всей ее трагичности. Там говорится

о соблюдении соборной апостольской церковью древнего вероучения без изъятий и добавлений, что особенно важно «...в нынешний мятеж мира сего, понеже мнози крестияньсти и людие новыми и различными учении в вере поколебашася и мнением своим разсверепеша, от единого согласия в вере живущих отвратишася. Да поне сих книг чтанием возмогут себе исправить и на путь истинный привести. А елициво правоверии донныне соблюдаеми и непозыблемо содержими суть, тем более их Христос словесы и учением своим укрепит в вере единомысленных быти и не даст сметатися волнами сего жития и ересем бывающим в себе вмещатися».

В другом месте четко указан адресат книги: «люди греческого закона», то есть православные. Эта ремарка свидетельствует о парадоксальной ситуации: «Евангелие учительное», в сущности, мирная просветительская книга, стала элементом конфессиональной борьбы.

Уже в 1570-м заблудовская типография Ивана Федорова выпустила новую книгу – «Псалтырь с Часословцем», содержащую также пасхалию в таблицах. 23 марта это издание увидело свет, а вскоре, к сожалению, Г. А. Ходкевич закрыл свою типографию.

Уже в Заблудове пути первопечатников Ивана Федорова и Петра Мстиславца разошлись: «Псалтырь» 1570 года Федоров издавал в одиночку. Его помощник решил попытать счастья самостоятельно. Вместе с купцами Мамоничами он основал в Вильно, столице Великого княжества Литовского, собственную типографию. Из ее стен между 1574 и 1576 годами вышли «Евангелие», «Псалтырь» и «Часовник».

Вопрос о причинах ликвидации заблудовской печатни исследовался неоднократно. У специалистов нет единого мнения на сей счет. Сам Иван Федоров говорил о старости и хворах покровителя, заставивших его отказаться от собственной типографии. Более вероятно другое: постепенный отказ Ходкевича от политической деятельности (а просветительство, несомненно, являлось ее частью) в связи с крахом его планов. В 1569 году Польша и Великое княжество Литовское подписали акт о создании общего, федеративного по сути государства, что предполагало колоссальные уступки полякам в административной и политической сфере. Ходкевич, противник польского влияния, потерпел жестокое поражение и, надо полагать, испытывал разочарование. Но вернее всего, он просто утратил финансовые возможности для осуществления столь дорогостоящих проектов. Историки приводят письма Ходкевича, свидетельствующие об огромных его долгах.

Вот теперь Иван Федоров попал в тяжкое положение. Ему пришлось попробовать на вкус горький хлеб коммерческого книгоиздателя. Более ни монаршие особы, ни вельможные аристократы не покровительствовали ему. Средства на пропитание и возобновление типографских работ пришлось искать самостоятельно. Однако Иван Федоров не желал оставлять своего дела. Позднее он сам объяснит свое упорство: «Не пристало мне ни пахотою, ни сеянием семян сокращать время своей жизни, потому что вместо плуга я владею искусством орудий ручного дела, а вместо хлеба должен рассеивать семена духовные по всей вселенной и всем по чину раздавать духовную эту пищу... Более же всего утратился я ответа, который придется дать владыке моему Христу, непрестанно зывающему ко мне: „Ленивый и лукавый раб, зачем не отдал серебра Моего торгующим? И Я, придя, взял бы свое с прибытком“. И в одиночестве, углубляясь в себя, я не раз омочил слезами свое ложе, размышляя обо всем этом, – как бы не скрыть в земле талант, дарованный мне Богом»¹⁵.

¹⁵ Таков перевод М. В. Щепкиной. В оригинале же слова Ивана Федорова звучат следующим образом: «Неудобно ми бералом ниже семен сеянием время живота своего сокращати, но имам убо во место рала художество наручных дел сосуды, во место же житных семен духовная семена по вселенной разсевати и всем по чину раздавати духовную сию пищу. Наипаче же убояхся истязания владыки моего Христа, непрестанно вопиюща ко мне: „Лукавый рабе и лениве! Почто не вдасребра моего торжником? И я пришед, взял бых свое с лихвою“. И когда убо на уединении в себе прихождах и множицею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя в сердцы своем, да бых не скрыл в земли таланта, от Бога дарованного ми».

С большими мытарствами, через области, охваченные моровой язвой, храня как зеницу ока оборудование печатни, Иван Федоров добрался из Заблудова до Львова. Новое пристанище он обрел то ли осенью 1572-го, то ли в самом начале 1573 года. Богатый город, средоточие международной торговли, должен был дать ему шанс прокормиться ремеслом. Русский типограф горячо молился Господу Богу об устроении дел.

Однако состоятельные купцы не торопились облагодетельствовать его кредитом. Да и Православная церковь во Львове могла помочь ему немногим, поскольку за кафедру шла борьба и нужды приезжего печатника оказались на периферии интересов иерархии.

С течением времени Иван Федоров малыми кредитами все-таки набрал денег для основания собственного дела. Наиболее крупную сумму, видимо, ссудил ему некий Семен Седляр, широко образованный, зажиточный ремесленник и торговец. Он, кстати, дал Ивану Федорову и временное пристанище в своем доме. Иными словами, сыграл роль главного благодетеля на новом месте. С другой стороны финансовая помощь Ивану Федорову пришла от казначея местного Свято-Онуфриевского монастыря отца Леонтия.

Печатник постарался как можно быстрее приступить к работе. Уже в феврале 1573 года он начал издание нового «Апостола», завершившееся ровно через год, 15 февраля 1574-го. Тогда же, в 1574 году, увидела свет и маленькая «Азбука», по словам Е. Л. Немировского, «первый известный нам печатный учебник кирилловского шрифта»¹⁶.

Львовский «Апостол» – родной, единоутробный брат московского «Апостола», прошедший незначительные улучшения и поменявший послесловие. Из этого-то послесловия истории почерпнули львиную долю биографических сведений об Иване Федорове, поскольку здесь он щедро делится фактами своей судьбы, особенно касающимися печатного дела.

Трогательно звучит смиренное благодарение Богу за то, что Он склонил сердца немногих людей помочь бедствующему печатнику: «Нам надлежит со смиренной душой просить и начинать, а миловать и совершать может Бог, Коего Царствия наследником я надеюсь быть, и которое да получим и все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, которому подобает слава, честь и поклонение с Отцом и Святым Духом ныне и в бесконечные веки. Аминь»¹⁷.

Кроме того, в львовском «Апостоле» несколько больше элементов художественного оформления: заставок, концовок. В нем три миниатюры (гравюры), а не одна, как в московском издании: герб гетмана Г. А. Ходкевича, геральдическая композиция с гербом самого печатника (очевидно, приписанного, или, иначе, «адаптированного», к одному из шляхетских родов Литовской Руси) рядом с гербом города Львова и святой Лука несколько иного вида, чем в московском «Апостоле».

Что же касается «Азбуки», или, как ее иначе называют, «Букваря», то содержание книжицы передано на двух страницах послесловия, обращенного к львовским жителям: «Возлюбленный честный христиа́ньский русский народе греческаго закона! Сия еже писах вам, не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина, от грамматикии мало нечто ради скорого младенческаго научения в мале сократив, сложих. И аще сии труды моя благоугодны будут ваши любви, примите сия с любовию».

На этом наиболее горестный период в трудах и днях Ивана Федорова завершился. Стезя коммерческого издателя сменилась, благодарение Богу, значительно более спокойным и обеспеченным периодом: печатника взял под свое покровительство другой православный магнат, князь Константин Константинович Острожский.

¹⁶ Немировский Е. Л. Иван Федоров. С. 147.

¹⁷ В оригинале текст довольно сложен, поэтому здесь он передается в переводе М. В. Щепкиной.

Острожский прославился как выдающийся ревнитель православия, борец против унии под эгидой римского престола, деятельный сторонник христианского просвещения, содержавший училище и своего рода клуб книжников – Острожскую академию. И что немаловажно, он один из богатейших людей Литовской Руси.

Константин Константинович взял Ивана Федорова под свою высокую руку в 1575 году. У него в Остроге печатник проведет несколько лет и покинет это гостеприимное место лишь в 1581-м. Ныне древний город Острог находится на западе Украины.

Из острожского периода биографии Ивана Федорова самая значительная его работа – издание первой полной славянской Библии (Острожская Библия 1580 года). Именно для осуществления этого грандиозного проекта московский печатник в первую очередь и нужен был князю Острожскому.

А для самого печатника такого рода предложение, надо полагать, было верхом мечтаний.

Главнейшая трудность состояла не в объемах работы, а в том, что вполне точный текст, не искажающий смыслов, заложенных в «богодухновенную» книгу, можно было получить, лишь сравнивая множество вариантов, созданных книжными писцами, и выбирая, а порой вырабатывая на их основе норму, то есть нормативный, унифицированный текст. Или, как любили говорить книжники XVI столетия, «совершенный» текст.

В предисловии к изданию, составленном от имени князя Константина Константиновича Острожского¹⁸, повествуется о поисках книг, пригодных для использования в этих целях. Среди прочего там сказано, что ни единой такой «совершенной» Библии не нашлось в «странах роду нашего языка словенского». Лишь один текст из России, о котором речь пойдет ниже, был оценен как вполне приемлемый, но и его не стали перепечатывать с рукописного оригинала буква в букву. Сравнение же текстов, полученных из многих стран, показало множество различий, притом «...не токмо разньствия, но и развращения», порожденного кознями дьявола, «искони противника всякому добру».

Итак, в процессе подготовки издания, по оценке специалистов, были использованы разные источники: греческая Септуагинта, немного – латинская Вульгата, возможно, чешская Библия, какие-то южнославянские тексты и, что весьма важно, русская Библия, вывезенная, пожалованием Ивана IV, из Москвы. Она представляла собой текст, созданный трудами архиепископа Новгородского Геннадия еще в XV веке. Именно Геннадиевская Библия, с поправками и добавлениями из других источников (в том числе из других славянских переводов), и легла в основу острожского издания. Любопытно, что впоследствии, когда на Московском печатном дворе готовилось издание Библии 1663 года, основой его стала, в свою очередь, Острожская Библия Ивана Федорова почти вековой давности.

Некоторые части Ветхого Завета переводились в Остроге заново. Так, специально для острожского издания с греческого была переведена второканоническая 3-я Книга Маккавейская.

До Ивана Федорова лишь знаменитый Франциск Скорина пытался осилить издание Библии кириллицей, но не довел работу до конца. Взявшись за этот труд, московский печатник шел почти что по «целине». Слава богу, ему не пришлось заниматься этим в одиночку.

XVI век – эпоха, когда по всей Европе Священное Писание переводилось на национальные языки и весьма быстро после этого оказывалось на печатном станке. Католическая церковь с удовольствием притормозила бы, а лучше – и вовсе заморозила бы этот процесс, но реформационные процессы, напротив, всю разгоняли его. Острожская Библия Ивана Федорова представляет собой свидетельство того, что восточнославянская, православная в своей основе культура не отстает от культуры западноевропейской, подстегиваемой реформационными вея-

¹⁸ Любопытно, что прозаическому предисловию К. К. Острожского предшествует иное, краткое предисловие, которое составляют вирши, фланкирующие герб Константина Константиновича и его инициалы.

ниями. Изготовление ее стало возможным лишь в условиях высокоинтеллектуальной атмосферы. Эту атмосферу создали в Остроге, помимо самого князя Константина Константиновича, ученые книжники, оказавшиеся у него под рукой или в содружестве с ним; в не меньшей степени нес ее в себе и сам Иван Федоров. Московский печатник в содружестве с острожскими книжниками успешно справился с глыбой работ, предшествовавших набору.

Порой историки говорят, что «собственная» или «национальная» Библия, да еще и печатная, являлась для Европы тех времен своего рода визитной карточкой страны, народа. Или даже членским билетом в клубе полноправных субъектов европейской культуры. И это в общем справедливо. Русь, принявшая богатейшее византийское и южнославянское культурное наследие, в очередной раз показала, что она способна продолжать и развивать обретенное богатство. Для этого ей не требуется помощь ни от мира католицизма, ни от мира протестантизма.

Острожская Библия имеет два издания: одно от 12 июля 1580 года, другое от 12 августа 1581 года. Впрочем, существует мнение, согласно которому это одно издание с подправленными вариантами набора и выходными данными. Специалисты полемизируют по этому поводу. Важно понимать, что различия между изданиями или вариантами издания Острожской Библии крайне невелики.

В обеих книгах использованы мелкие, можно сказать, убористые шрифты, специально разработанные Иваном Федоровым для острожских изданий: прежний его, московский шрифт выше, просторнее, монументальнее... и абсолютно непригоден ни для миниатюрных изданий княжеской типографии, ни для передачи столь большого объема текстов, какой содержит Библия в целом. Московский шрифт используется здесь лишь для оформления титульного листа.

Кроме того, печатник применяет два варианта греческих шрифтов в предисловиях и послесловиях: текст на греческом и церковнославянском идет там параллельно.

Элементы художественного оформления представлены скудно. Возможно, причина заключается в желании печатника выдержать строгий стиль. Но почва для избавления от «избыточных» художественных украшений могла быть и другой: объем технических работ – запредельный для того времени (628 листов большого формата), стоимость издания – чудовищная (точно известно, что Острожской Библией торговали, она вовсе не распространялась безвозмездно). Так что, весьма вероятно, Иван Федоров просто был поставлен перед необходимостью, во-первых, технически упростить производство и, во-вторых, удешевить издание.

В послесловии к двум вариантам Острожской Библии нет того полемического накала, какой виден в послесловии к заблудовскому «Евангелию учительному». Иван Федоров лишь отмечает, что работу свою он производил по воле «православного князя», которому сам Господь вложил в ум это благое начинание. Печатник выражает Богу свою благодарность за то, что Вседержитель доверил именно ему, грешному и недостойному человеку, столь важный труд: «О всесильный и неизреченный Боже, в трех составех от всея твари покланяемый и славимый! Ты еси и всякая благодати начало и вина, поспешение же и свершение! Благоволил еси убо православному князю во ум сие прияти да мне многогрешному и зело недостойному повелит божественное слово Твое всем повсюду тиснением печатным преложити. Тем же убо аз, аще и не достойна и тимением греха одержима сведый себе, повинухся повелению, надеясь щедротам Твоим, ввергохся в пучину неисследимую божественнаго и всесветлаго писания Твоего купно с поспешники и единомысленики моими. Якоже ныне Твоим человеколюбием во пристанище совершения достигохом, душа колени преклоняющи и главами нашими в землю ударяющи, со слезами радости славим и превозносим Твое трисвятое и прехвальное имя Отца и Сына, и Святого Духа»¹⁹.

¹⁹ Строки из послесловия к изданию 1581 года. Послесловие это двуязычно: церковнославянский текст сопровождается греческим, но не латынью. Таким способом подчеркнут своего рода культурный выбор: ориентация восточного христианства XVI века на греческие образцы.

Помимо Библии, Иван Федоров издал в Остроге еще четыре книги. Имеет смысл их перечислить.

1. «Азбука» 1578 года, предназначенная, как видно, для тех, кто изучал в Острожской академии греческий язык, поскольку в ней параллельно (двухколонником) набраны русские и греческие тексты.

2. «Псалтырь и Новый Завет» 1580 года – видимо, своего рода часть колоссального проекта Библии: миниатюрное издание в восьмую долю листа, но с обилием заставок.

3. Явно дополняющая предыдущее издание маленькая «Книжка собрание вещей нужнейших вкратце скорого ради обретения в книзе Новаго Завета» также 1580 года (путеводитель или указатель, предоставляющий возможность легче найти интересующий предмет в текстах Нового Завета).

4. Брошюра «Хронология» Андрея Рымши (1581), более развернуто названная «Которого ся месяца што старых веков диело короткое описание». В сущности, краткое учебное пособие для изучающих всемирную историю с библейских времен.

Очень хорошо видно, что «Азбука» и «Хронология» – издания учебные, предназначенные, очевидно, для нужд Острожской академии. Но, надо полагать, «Псалтырь и Новый Завет», а вместе с тем и прилагающееся к этому изданию «Собрание вещей нужнейших» также могли иметь отношение к учебному процессу – если предположить, что в училище Острожской академии (или же в одном из училищ, а именно высшем) проходили курс богословия и для занятий требовался единый, унифицированный текст, а также указатели к нему.

В своей работе на князя Острожского Иван Федоров, за исключением монументального издания Библии, должен был служить нуждам учебного процесса в православной академии. Таким образом, в Остроге православный просветитель Иван Федоров включился в работу большого сообщества православных просветителей, взяв на себя поистине благородные функции.

После 1581 года Иван Федоров более не занимался типографскими делами. Он вернулся из Острога во Львов, возможно перестав ладить со своим покровителем или увидев, что князь более в нем не нуждается. Возможно и другое: Острожский приостановил издательскую деятельность, желая впоследствии ее возобновить, продолжал числить Ивана Федорова своим слугой-печатником (во Львове его таковым считали еще весьма долго, до самой кончины), однако не мог или не хотел платить ему жалованье (полное жалованье?) в перерыве между последней действительной работой и следующей, чаемой неведомо когда. Был ли конфликт? Бог весть. Скорее просто исчерпались проекты, в которых на тот момент Константин Константинович проявлял заинтересованность.

Во Львове Иван Федоров, словами Е. Л. Немировского, «...оставаясь на службе у князя, предпринимал шаги для возобновления собственной типографско-издательской деятельности»²⁰. Однако «раскошегарить» как следует новое типографское предприятие он, видимо, так и не успел.

Одновременно печатник занимался новой для него деятельностью: отливал пушки для польского короля Стефана Батория. Впрочем, не исключено, что он и ранее зарабатывал как литейщик, пушечных дел мастер. Возможно, так было еще в Москве, поставившей к середине XVI века изготовление артиллерийских орудий на широкую ногу... Просто источники не сохранили об этой стороне его деятельности никаких сведений, помимо самого позднего ее периода – 1580-х годов.

Тогда же Иван Федоров предлагал немецким правителям некие изобретения в артиллерийском и ружейном деле: складные разборные пушки, а также ручные бомбарды с учетверенной мощностью залпа. Предположительно с этими предложениями он побывал в столице

²⁰ Немировский Е. Л. Иван Федоров. С. 197.

курфюрста Саксонского Августа – Дрездене. Но до какой степени его изобретения нашли практическое применение, да и нашли ли они его вообще, неизвестно.

Возникает вопрос: если новые условия жизни требовали от Ивана Федорова хлопотать о пропитании, притом случалось это не раз и не два, так почему же он не вернулся на родину? Служба его, казалось бы, давно и с лихвой исполнена, а обустройство в Литовской Руси требовало суеты... Ответов может быть два. Во-первых, Иван Федоров знал, что дома его давно заменили другие мастера-печатники, прежде всего Андроник Невежа. Во-вторых, он давно начал иную жизнь, где нашел достойное применение своим способностям, находился в среде православных книжников и, как видно, был вполне доволен новой судьбой, а потому не желал идти на риск новых радикальных перемен.

5(15) декабря 1584 года русский первопечатник Иван Федоров, Москвитин, скончался во Львове. Его погребли в уже упомянутом Свято-Онуфриевом монастыре.

Значение Ивана Федорова не только для истории русского книгопечатания, но и в целом для восточнославянской культуры громадно. Его трудам принадлежит как минимум дюжина книжных изданий, известных в дошедших до нашего времени экземплярах, и уже одно это ставит его выше современников, занимавшихся на просторах Восточной Европы кириллическим книгопечатанием. Никто из них не может похвастаться столь же обширным «послужным списком». Притом весьма возможно, что в будущем найдутся федоровские издания, доселе еще не известные науке.

Но слава его должна основываться не только на количестве проектов, и механический счет не столь уж важен.

Иван Федоров брался за издание книг, которые до него никто не издавал. «Евангелие учительное», «Азбука» и Острожская Библия прославили его как первооткрывателя большой, доселе не освоенной печатниками сферы церковной литературы. Каждое издание требовало больших знаний и тщательной подготовки текстов, когда значимы каждое слово, каждая буква.

В подавляющем большинстве случаев Иван Федоров показал себя сторонником высококультурной печати, продуманного, качественно сделанного художественного оформления, того, что сейчас называют сбалансированным дизайном. В России его издания надолго стали образцом для подражания.

Наконец, ему принадлежит честь создания целой школы книгопечатания. Ученики Ивана Федорова трудились в разных странах. Один из них, Андроник Тимофеевич по прозвищу Невежа, продолжит дело российского первопечатника в Московском царстве и передаст его дело преемникам – мастерам Московского печатного двора.

Глава 4

От Андроника Невежи до Никиты Фофанова

Типографское дело с отъездом Федорова из России в стране отнюдь не пресеклось.

Английский дипломат Джильс Флетчер, посетивший Россию в 1588–1589 годах, писал впоследствии, что еще при покойном царе Иване IV «привезли из Польши в Москву типографский станок, и здесь была основана типография... Но вскоре дом ночью подожгли, и станок с литерами совершенно сгорел, о чем, как полагают, постаралось духовенство». Как будет показано ниже, «литеры» никуда не делись, духовенство же, как было сказано выше, заботливо опекало столичную типографию, а не разоряло ее. Одно из всего сказанного возможно: пожар. Вопрос только в том, когда именно он произошел.

На закате правления Ивана Грозного и при его сыне Федоре Ивановиче главным мастером книгопечатного дела являлся Андроник Тимофеевич Невежа.

Первое издание, в котором он принимал участие как один из ведущих печатников, – Псалтырь, изданная на Московском печатном дворе шрифтом, разработанным для «Апостола» Ивана Федорова, в 1568 году. То есть «литеры» уж точно не сгорели. Ранее, еще в эпоху анонимной типографии, Псалтырь уже издавалась, и в переиздании ее как будто не было ничего новаторского, за исключением прекрасной оригинальной гравюры – фронтисписа. Она создавалась именно для издания 1568 года, в предыдущих отсутствовала. Царь Давид, как будто шагнувший в печатную книгу со страниц рукописных миниатюр из русских летописей середины XVI столетия, сидит меж четырех колонн портика. Этот портик со столпами квадратного сечения служит своего рода архитектурным обрамлением фигуры Давида Псалмопевца, инструментом придания ей монументальности, величия: царь должен пребывать в месте, достойном его царственности...

Весьма вероятно, что творцом гравюры является сам Андроник Невежа. В послесловии к Псалтыри сказано, что книга вышла из печати «...тщанием и труды Никифора Тарасиева да Невежи Тимофеева». Более ни в каких изданиях мастер Никифор Тарасиев не упоминается, возможно, он отправился из Москвы в казанскую типографию, но это всего лишь гипотеза. А вот Андроник Тимофеевич будет главенствовать на Московском печатном дворе (как минимум до 1602 года). И в более поздних изданиях обнаруживаются его инициалы – он фигурирует в качестве автора элементов художественного оформления, гравера. Так, видимо, и здесь, в Псалтыри 1568 года, поработала его искусная рука.

Дальнейшая история московского книгопечатания затянута туманом. Думается, стоит воспроизвести характерную фразу, кочующую с разночтениями из публикации в публикацию, обнаруживающуюся и в Википедии: «После этой Псалтыри в течение 20 лет неизвестно ни одной книги, изданной в Москве. Сам Андроник в это время по распоряжению царя Иоанна переселился в Александровскую слободу и устроил там маленькую типографию, из которой вышла тоже только одна книга: Псалтырь 1577 года (4°, 280 листов). Такая малопродуктивность объясняется тем, что книгопечатание в то время еще не находило достаточной поддержки в обществе и типография была только царской книгопечатней».

Действительно, московская типография, по всей видимости, жестоко пострадала от пожара... вот только устроенного никак не духовенством, а связанного с нашествием крымского хана Девлет-Гирея 1571 года. И в 1577 году Андроник Тимофеевич Невежа (уже без Никифора Тарасиева) выпустил так называемую «Слободскую Псалтырь» на новом месте. Здесь гравюра «Царь Давид» совсем другая, она совершенно не похожа на свой аналог в издании 1568 года. Зато в ней прочитывается сходство с изображением святого апостола Луки в «Апостолах» Ивана Федорова 1564 и 1574 годов издания. Возможно, это был своего рода «оммаж» энергичного ученика великому учителю: Андроника Невежи – Ивану Федорову.

Притом что в целом иллюстративный материал в издании – новый, оригинальный, «невежинского» особого стиля.

Но вот относительно «малопродуктивности» следует сделать оговорку: до наших дней гораздо чаще доходят крупноформатные и объемные издания. Экземпляры подобного рода книг лучше сохраняются, нежели малые брошюры, «летучие листки» или тонкие книжки вроде «Часовника». И как знать, не производила ли в ту пору московская, а затем слободская типография именно малоформатные издания? Книжки малого объема? Малого тиража? Если так, то ученым еще предстоит, быть может, найти отдельные листки, ничтожные фрагменты таких изданий или даже единичные целые экземпляры плохой сохранности, относящиеся к деятельности московских печатников 1570–1580-х годов. Так, например, лишь в 1967 году в научный оборот была введена еще одна книга, относящаяся к деятельности Андроника Невежи и отпечатанная, по всей видимости, на станах слободской типографии. Это «Часовник» приблизительно 1577–1580 годов издания, известен он по единственному (!) дефектному (!!)-экземпляру. Конечно, хорошо бы для разрешения исторической загадки, касающейся репертуара российского книгопечатания в тот период, обратиться к документам архива, сложившегося при Московском печатном дворе. Но стремление это, совершенно обоснованное, почти невыполнимо. От архива сохранилась лишь та его часть, которая относится к периоду с 1618 года и позднее. Все остальное сгорело в пожарах или погибло от небрежения в годы великой Смуты. До наших дней дошли всего лишь жалкие клочки (о них речь еще пойдет впереди), совершенно не дающие представления о том, какие издания готовил до 1589 года московский мастер печатных книг.

Одно ясно: деньги на большие книги и крупные тиражи казна давать либо не хотела, либо не могла. В конце концов, на этот период выпадает великое разорение, случившееся из-за военных тягот, эпидемий и территориальных утрат России. Труднее стало отыскивать средства на тонкую, дорогостоящую работу печатников...

В преддверии утверждения патриаршества в Москве царь Федор Иванович приказал возобновить работу столичной печати. С 1589 года, когда вышла «Триодь постная», работа типографии в сердце России уже не прекращалась (не считая относительно недолгого перерыва от бедствий Смуты). При царе Федоре Ивановиче и следующем государе, Борисе Годунове, Андроник Тимофеевич Невежа господствует на Московском печатном дворе.

На этом событии – выходе «Триоди постной» 1589 года – следует остановиться подробнее. Как уже говорилось, оно было приурочено к установлению патриаршества в России. Видно, что в Московском государстве с момента отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца книгопечатание хотя и поддерживалось, но все же пребывало в некотором небрежении. А вот при Федоре Ивановиче на эту сферу вновь обратили внимание. Всерьез и по-настоящему. Через двенадцать лет после выхода так называемой Слободской Псалтыри и слободского «Часовника», когда, казалось, традиция московского книгопечатания прервалась, исчезла, происходит его триумфальное восстановление.

Первая после столь длительного «антракта» книга, изданная Андроником Невежей, «Триодь постная», вышла 8 ноября 1589 года. Приуроченность издания к возведению митрополита Иова в патриарший сан подчеркнута в послесловии. Прежде всего: предыдущее издание Псалтыри московской печати вообще обошлось без упоминания церковных властей. В послесловии к Псалтыри 1577 года говорится, что «...благодатию и щедротами человеколюбивого Бога Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, и повелением благочестиваго и Богом венчанного и хоругви правящего скипетра великия Россия государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца, и его Богом дарованных чад царевича князя Ивана Ивановича и царевича князя Феодора Ивановича составися штанба, еже есть печатных книг дело...» А митрополита Московского и всея Руси на свете как будто не существует! Между тем в московских изданиях, выходивших раньше, глава Русской церкви упоминался. При Федоре Ивановиче это

унизительное для Церкви забвение митрополичьего имени было уничтожено. В послесловии к «Триоди постной» сказано не только то, что печать началась с благословения митрополита Иова, но также и то, что завершилась она «... в 6-е лето царства государя царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси самодержца и при благочестивей царице и великой княгине Ирине и при святейшем патриархе Иове Московском и всея Руси, в 1-е лето патриаршества его (курсив мой. – Д. В.)». Иными словами, торжество Москвы как вместилища для новой патриаршей кафедры и торжество Иова особо прокламируются на страницах книги, которой суждено разойтись по всем областям России вплоть до самых дальних городов.

Что это значит? Высшие власти, светские и духовные, через посредство этого издания связали восприятие патриаршества на Москве со своего рода обещанием большой работы в сфере духовного просвещения.

Позднее Андроник Тимофеевич Невежа издал еще как минимум 10 книг. За «Триодью постной» последовала «Триодь цветная» (1591). Затем вышел «Октоих» в двух книгах, обе – 1594 года издания. Потом еще один «Апостол»²¹ (1597), два «Часовника» (1598 и 1601), «Минея общая» в двух разноформатных изданиях²² 1600 года, «Служебник» (1602) и вновь старая знакомая – Псалтырь (1602).

Выше говорилось о «клочках» документации, связанной с деятельностью Московского печатного двора до времен царя Михаила Федоровича. Так вот, известны единичные деловые бумаги, сообщающие о централизованном развозе книг из Москвы на окраины – в связи с пожарами, какими-либо бедствиями, лишавшими храмы богослужебных книг, с миссионерской деятельностью, созданием новых церквей и монастырей. Так, грамоты 1590-х годов сообщают об отправках книг «на Елец», «на Воронеж» и в Сибирь. Среди них есть и печатные издания. В 1594 году «на Воронеж» отправилась печатная «Псалтырь с Часовником» – скорее всего, детище типографии, работавшей под началом Андроника Тимофеевича в Александровской слободе²³.

Скончался московский печатник в самом конце 1602-го или же в первые месяцы 1603 года.

Размах деятельности Андроника Тимофеевича Невежи поражает: по числу изданий он сравнялся с покойным учителем и даже немного превзошел его. Притом в ряде случаев он работал, также идя по «целине», как и сам Иван Федоров. Во всяком случае, «Октоих», «Минея» и «Служебник» впервые в России издавались именно под его руководством. В истории русского просвещения это фигура первой величины.

Не напрасно во Львове был поставлен памятник Андронику Тимофеевичу Невеже, и очень скверно, что памятника ему по сию пору нет в Москве. Давно пора...

Службу в московской типографии в какой-то степени унаследовали от отца два его сына: старший, Иван Андроникович Невежин, наиболее видный мастер Московского печатного двора с 1603 по 1610 год, и младший, Алексей, служивший наборщиком, затем печатным мастером и недолгое время распоряжавшийся столичной типографией в начале царствования Михаила Федоровича. Документы свидетельствуют, что Алексей Андроникович Невежин прослужил на Московском печатном дворе как минимум до 1623 года, но ведущее положение там скоро утратил.

Иван Невежин начинал как помощник отца: вместе они работали над изданием «Часовника» 1598 года, о чем совершенно ясно говорится в выходных данных книжки. Тогда он играл роль второго лица, ассистирующего уже немолодому мастеру: даже имя печатника обо-

²¹ Первая печатная книга московской работы, у которой выходные данные содержат сведения о тираже – 1500 экземпляров.

²² Два издания хотя и одной книги, но очень несхожие друг с другом: одно в 4-ю долю и «толстенное», другое во 2-ю долю и «тощее».

²³ Володихин Д. М. Документы конца XVI века о централизованном распространении книг // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 178–180.

значено не «Иван», а «Иванец», то есть в несколько уничижительном варианте. После кончины Андроника Тимофеевича он переиздал две его «Триоди» и «Апостол». Получив драгоценный опыт совместной работы с отцом, Иван Невежин и сам скоро превратился в зрелого, искусного мастера.

Московский печатник самостоятельно разработал и начал реализовывать на практике амбициозный проект – издание 12 «Миней» месячных, то есть всего годового богослужебного круга. В этом Иван Невежин был новатором – так же, как когда-то Иван Федоров и Андроник Невежа. Более того, к отваге печатника следует отнести с почтительным восхищением: он взялся осуществить колоссальную по объему трудов затею, ни один российский мастер «книг-печатного дела» до него не брался за столь масштабный проект. Притом работу Иван Невежин начал в условиях разгара великой Смуты и продолжал, видя, что накал страстей все усиливается, все новые бедствия обрушиваются на многострадальную Москву, но труда своего не останавливал. Иван Андроникович успел выпустить «Минею» сентябрьскую, октябрьскую и ноябрьскую. «Минея» декабря легла на печатные станки... и тут издание прервалось – то ли в самом конце 1610 года, то ли в начале 1611-го. Москва, бедствующая под властью польско-литовского гарнизона захватчиков, восстала, Смута вышла на пик своей разрушительной силы, и тут России на какое-то время стало просто не до книг...

Но идея Ивана Андрониковича не пропала втуне. Позднее, когда Москву очистят от оккупантов и восстановят работу Московского печатного двора, печать годового круга служебных «Миней» начнется заново – летом 1618-го. На осуществление плана Ивана Невежина потребуется двенадцать лет: работы будут завершены лишь 8 июня 1630 года.

При государе Василии Шуйском типографом работал выдающийся книжник, инженер и литейных дел мастер Анисим Михайлович Радишевский. Это был, как говаривали прежде, человек необычной судьбы, притом не только мастер «книгпечатного дела», но и, можно сказать, мастер на все руки. Иначе говоря, разносторонне развитый умелец инженерно-технического склада.

Первые известия о нем относятся к 1586 году: Радишевский прибыл из Великого княжества Литовского искать пропитания в качестве книжного переплетчика при типографии. Позднее чем только он не занимался на московской службе! Отливал колокола, изготавливал пушки, рыл колодцы, устраивал тайники в крепостных стенах, создавал пруды при дворцовых резиденциях первого царя из династии Романовых. Прославился как автор первой российской военно-технической книги – «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки».

Сведения о его деятельности как печатника относятся к очень недолгому периоду – между 1605 и 1610 годами, выпадающими большей частью на царствование Василия Шуйского и, что более важно, на патриаршество Гермогена, взошедшего на московскую кафедру в 1606 году.

Святитель Гермоген, блистательный миссионер, получил ни с чем не сравнимые возможности развить духовное просвещение в Русской церкви. И одной из главных возможностей подобного рода стало использование ресурсов Московского печатного двора.

Именно при Гермогене появилось новое «превеликое» здание Печатного двора в Китай-городе, именно при нем на Печатном дворе работали блестящие книжники Анисим Радишевский, Иван Невежин и Никита Фофанов, именно при нем печатники получили новое оборудование²⁴. Все три мастера имели на Печатном дворе свои «избы», то есть подчиненные только им помещения с типографской техникой и персоналом. В патриаршество Гермогена из стен московской печати вышли: «Минея общая», четыре месячные «Минеи» (с сентября по ноябрь и

²⁴ К несчастью, Печатный двор жестоко пострадал от великого московского пожара 1611 года.

часть декабря), а также устав «Око церковное»²⁵. Кроме того, печатники выпустили две книги, работа над которыми началась до патриаршества Гермогена, а при нем лишь была доведена до выхода тиража: богато украшенное на престольное Евангелие 1606 года и «Триодь постную» 1607 года.

На долю Радишевского из этого списка выпадают два самых масштабных издания: «Око церковное» и на престольное Евангелие, которое начали подготавливать к печати еще при Борисе Годунове²⁶. Оба можно назвать фундаментальными как по размеру, так и по объему необходимых для их создания работ.

Особого внимания заслуживает судьба «Ока церковного», изданного в 1610 году. Оно потребовало поистине титанического труда! Книгу готовили более трех лет. До этой книги московские типографы не тратили столько времени ни на какое издание. Значение его для церковной книжности колоссально.

Роль главного мастера-печатника при издании этого Устава, доставшаяся Анисиму Радишевскому, стала, может быть, главным делом его жизни.

Впоследствии в Уставе отыщут ошибки, сочтут его не вполне каноничным и принудят изъять из церковного обращения. Печальный финал книги бросает тень и на святителя Гермогена: он имел обыкновение просматривать то, что печатники готовили к тиражированию, давал благословение далеко не сразу, а с разбором; так неужели он, человек высокой книжной культуры, ошибся?

Неточности в Уставе есть. Однако их наличие обусловлено отнюдь не злонамеренностью или невежеством помощников святителя²⁷ и, разумеется, не его небрежностью, а окружавшей весь цикл работ чудовищной обстановкой. Издание, огромное по объему, новаторское для России, прежде никогда не выходившее из печати, подготавливалось в прифронтовом городе, на который беспощадно накатывались кровавые волны великой Смуты. Всех тонкостей учесть в такой обстановке не могли. Но, во-первых, книга все-таки послужила какое-то время нуждам русского духовенства, и к ней относились безо всякого подозрения, безо всякой критики. Во-вторых, она дала тот фундамент, на котором позднее составлялись уже исправные варианты церковного Устава. Наконец, в-третьих, сама «неполная каноничность» этого издания Устава в наши дни отчасти объяснена внутрицерковными столкновениями XVII века, не имеющими к содержанию «Ока церковного» никакого отношения. Ряд «ошибок», найденных в нем, являются плодом конкуренции разных подходов к книжной справе того времени. Ныне каждый из них нуждается в изощренном богословском анализе, и лишь после этого можно будет с уверенностью сказать, действительно ли допущен просчет... или же просчет имелся в критике Устава.

Что же касается конфликта, вызвавшего суровое осуждение логгиновско-гермогеновского Устава, то о нем с большим знанием дела высказался протоиерей Георгий Крылов: «Славянские Типиконы не издавались до этого времени, а в югославянских землях не публиковались и позже – книга... принадлежит к числу „избыточных“ и не является книгой „первой необходимости“, без которой богослужение не совершить. Однако совсем иначе отнеслись к

²⁵ Церковный устав является всеобъемлющим справочником по правилам церковной и монашеской жизни. Устав, или Типикон, призван упорядочить службы и играть роль надежного руководства для священнослужителей. В нем даются подробные указания, в какие дни и часы, при каких божественных службах и в каком порядке необходимо читать или петь молитвословия, содержащиеся в «Служебнике», «Часослове», «Октоихе» и других богослужебных книгах. В нем также содержатся правила вычисления пасхалии – времени празднования Пасхи в разные годы. Имеются также указания о каждении, об открытии алтарных врат и завесы, о возжигании свечей, о том, как следует устроить иноческую жизнь.

²⁶ В послесловии к изданию указано, что печать началась 30 марта 1606 года, то есть при Лжедмитрии I и лжепатриархе Игнатии. А вышло Евангелие уже в царствование Василия IV и при патриархе Гермогене. Однако в послесловии не упомянуты ни Лжедмитрий, ни Игнатий, зато назван патриарх Иов, свергнутый при Лжедмитрии I. Отсюда можно сделать вывод, что подготовка к изданию началась гораздо раньше, как минимум в 1605 году, когда на патриаршей кафедре все еще пребывал Иов, а царями были сначала Борис Федорович Годунов, затем Федор Борисович Годунов и только вслед за ними – Самозванец.

²⁷ Прежде всего Логгина Коровы, сыгравшего роль своего рода редактора-составителя.

Уставу в Московской Руси – он воспринимался средневековым русским сознанием как структурная основа богослужения вообще... Впервые подобный подход был предложен Патриархом Гермогеном. Отсюда и патриарший „заказ“ на „Око Церковное“. Предполагалось не просто переиздать один из рукописных Типиконов... но опубликовать принципиально новый Устав, объединяющий и систематизирующий многочисленные разрозненные рукописные указания... Это первая „авторская“ богослужбная книга. Ее составителем и редактором является Логгин Шишелев Корова... уставщик Троице-Сергиева монастыря. Вероятно, выбор на нем остановил сам Патриарх. Для издания подобного уровня требовался знаток богослужбного устава и книжник...»

Несколько лет спустя между справщиками (редакторами Печатного двора) возник конфликт при подготовке иного издания. Двумя персонами, вовлеченными в него, стали уже упомянутый Логгин и настоятель Троице-Сергиевой обители преподобный Дионисий (Зобнинский). В 1612 году игумену Дионисию была поручена справа Требника («Потребника»), однако, как пишет протоиерей Георгий Крылов, «...итоговые тексты и сами принципы sprawy не были приняты соотечественниками, и коллектив справщиков осудили „за ересь“ и наказали. Одним из главных обличителей „ереси“ стал авторитетный уставщик Логгин, который мог испытывать личную неприязнь к игумену. Конфликт можно интерпретировать как столкновение „консервативной“ и „модернистской“ концепций. Логгин опирался на опыт благоговения и авторитет древности (правда, не во всем) и представлял консервативную позицию. Преподобный Дионисий был прогрессивно настроенным „модернистом“, о чем говорит сформированное им богословие sprawy. Принципы sprawy преподобного Дионисия, во-первых, не изучены, а во-вторых, во многом тенденциозно и неверно освещены в курсах по истории... Исследования показывают, что систематической сверки с греческими источниками справщиками не производилось, почти вся справа основывалась не на греческом оригинале, а на сторонних богословских выкладках, с современной точки зрения весьма примитивных. Новым было мировоззрение справщиков, определявшееся непривычным сверхкритичным отношением к сакральному тексту, над которым ставился научный критерий проверки его правильности (подобное отношение будет характерно для Нового времени). Именно с этим подходом никак не могли согласиться „консерваторы“. Осуждение лаврского игумена показывает меру средневекового благоговения по отношению к сакральному слову». Однако позднее дело игумена Дионисия было пересмотрено. К тому времени Логгин уже покоился в земле, и пострадало его творение – Устав 1610 года²⁸.

Другой специалист по истории раннепечатной книги в России, Ж. Н. Иванова, объясняет печальную судьбу этого грандиозного творения патриарха Гермогена, Логгина Коровы и Анисима Радишевского следующим образом: «В связи с тем, что у составителей Устава 1610 г. не было определенного плана, они собрали статьи славянского и русского происхождения из многих списков XVI–XVII вв. Этим самым они довели Устав до необычной полноты. Можно предположить, что это и явилось главной причиной, побудившей патриарха Филарета в 1633 г. приступить к печатанию нового Устава. В последующих изданиях количество статей постепенно было сокращено»²⁹. Филарет приказал переиздать книгу по строгому плану, более кратко и с тщательным отбором статей. Вот основная разница между этими двумя изданиями. В Смуту работники Печатного двора выезжали из Москвы, но затем, около 1614 года, возобновили работу в столице. Каменные палаты типографии располагались в Китай-городе, в районе современной Никольской улицы. Для управления ею было организовано особое государственное учреждение – Приказ книгопечатного дела.

²⁸ Прот. Георгий Крылов. Книжная справа при патриархе Гермогене // Журнал Московской патриархии. 2012. № 11. С. 40–42.

²⁹ Иванова Ж. Н. Издания Анисима Радишевского в собраниях ГИМ // Русская книжность XV–XIX вв. М., 1989. С. 129.

В знаменитом «Сказании известном о воображении книг печатного дела» трагическая и славная история гибели русского книгопечатания с его последующим возрождением рассказана подробно: «В тот же 7119 [1610/1611] год злые... супостаты литва и поляки с русскими изменниками вселились и в самый царствующий город Москву и хотели завладеть всей Русской землей... Проникли же они в город обманом и хитростью, путем измены и предательства всей земли, а не войною и не борьбою. И удерживали [Москву] год с половиной. И то доброе дело – печатный дом и все орудия того печатного дела разорены были теми врагами и супостатами и сожжены огнем и погибли вконец, и ничего не уцелело от этих орудий. А сведущих в том людей мало осталось, и те разбежались в иные русские города от насилия и угнетения тех неверных и злых людей и супостатов». Далее «Сказание» упоминает «Никиту Федорова сына по прозвищу Фофанов», обосновавшегося в Нижнем Новгороде и создавшего там типографию.

Никита Федорович Фофанов, пожалуй, последний из знаменитых мастеров, стоявших у истоков российского книгопечатания. Родом из Пскова, этот печатник связал свою жизнь с Москвой, притом начинал службу в столичной типографии около 1600 года, когда там работали одновременно несколько искусных умельцев: Андроник Невежа с сыном Иваном, а также Анисим Радишевский. Было у кого поучиться техническим премудростям!

Впервые самостоятельным мастером Никита Федорович выступил на излете царствования Василия Шуйского. Он отпечатал «Минею общую» (1609), не будучи здесь новатором: такая книга уже издавалась при Андронике Тимофеевиче Невеже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.